

Мария Ануфриева

ЭКСТРЕННАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

Рассказ

Опубликован: Журнал «Кольцо А», 2013, № 66

<http://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=200>

Как я в больнице оказалась, помню смутно. Лишь пункт А отчетливо запечатлен в моей памяти - квартира невропатолога Петухова, два дня как кандидата наук. Говорят, ученую степень и водительские права обмывать нельзя. Примета плохая, мол, корочки отнять могут, а научный труд комиссия в Москве завернет. Пока подтверждение не пришло ни-ни. Но это все предрассудки.

На столе, помимо стандартного петуховского набора - водка «Журавли», поголовье из трех штук, жареные индюшачьи ляжки, половинки куриных яиц под майонезом из яиц перепелиных, - стоят Бехеровка, турецкая Ракия и принесенная каким-то шутником бутылка сорокаградусной «Белочки» с ощерившимся грызуном на этикетке и надписью «Я пришла!».

Вчерашний диссертант вдохновенно рассказывает про черную субстанцию среднего мозга, тремор верхних конечностей и великого подвижника Жана Шарко, пролившего свет на первооткрывателя болезни Паркинсона. Если бы не деятельный француз, так и остался бы британец Джеймс Паркинсон никому не известным чудиком, наблюдавшим дрожательный паралич на улицах Лондона.

Гости осведомленно кивают и тыкают вилками в румяные ляжки. Степенно льется водка из длинного, по-журавлиному узкого горлышка в рюмку остепененного хозяина. Косит недобрый глазом с непечатой бутылки белочка.

Петухов так разнервничался, переходя к выводам своей квалификационной работы – что-то там про дофамин и наследие Шарко, что и сам слегка трясется.

- Это в его честь душ назвали? – спрашиваю я, чтобы сменить тему и успокоить Петухова.
– Я на него в санатории ходила.

Санаторий был в моей жизни один раз и оставил след в памяти только душем Шарко. Стоишь голая у кафельной стены, раздвинув ноги, расставив руки, дура душой, а толстая тетка в белом халате с безжалостной ухмылкой и закатанными по локоть рукавами расстреливает тебя вместе с родным целлюлитом мощной двойной струей, как пожарный из брандспойта.

- Он, - кивает головой анестезиолог Геша. - А с сердцем у тебя как, с сосудами? У этого душа противопоказания есть.

Я убеждаю Гешу, что все отлично, раз к врачам не хожу. Он пьяно не верит и красиво, как в замедленной киносъемке, поводит соболиными бровями, которые свели с ума не одну реанимационную медсестру.

- Геша – красавчик! – кричит петуховский попугай в занавешенной клетке и пытается отодвинуть голубую тряпицу клювом, чтобы хоть одним влюбленным глазом взглянуть на Гешу.

Поллитровые «Журавли» стайкой улетают в помойное ведро, звякнув тонкими горлышками, словно пропев прощальную песню. Весело булькает «Бехеровка». Как новый режиссер она оживляет петуховский праздник, и он несется галопом, оставляя в памяти мелькание ярких кадров и сочных мизансцен, будто в картинах Кустурицы.

- За здоровье! Нет, господа, лучше за то, чтобы Минздравсоцразвития в аду сгорел!

- Блондинка хороша за углом, но не в здравоохранении.

- Хочешь сказать, что ты здорова? Высунь язык, скажи: аааа. Ну вот, налет!

- Они погубят детскую психиатрию в нашем городе.

- Братан, - треплет кого-то по плечу Геша. – Сослуживец. Вот такой проктолог, вот такой!

Приятельски улыбается с этикетки зубастая белочка.

- Она не знает, какое у нее давление и холестерин!

- Сейчас никто ничего не знает!

- Можно быстро госпитализировать, нам это как два пальца...Полис и пять тыщ. Оформим за десять минут. Спорим! У меня как раз тетка обследовалась, только выписали. Устроим, Тихон Львович?

- Устроим, - важно кивает расплывчатое лицо.

Мелькают как черная свитка соболиные брови Геши.

- Я тебя навещать буду.

- Кого?

- Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан! – кричит Петухов и притопывает ногой в резиновой шлепке.

«Бехеровка» водит с моей головой хороводы. Турецкая водка не такая, как гоголь-моголь, от нее голова не болит. Даже льется деликатно, как ручеек журчит по камушкам, и название певучее – ракия.

- Поступать лучше ночью, быстро оформят, утром уже в палате лежишь культурно, доктора ждешь. Полное обследование. Мы тебя бесплатно, уговорила. Все. Шла по улице. Стало плохо. Вызвали «скорую». Все. Ничего не помнишь. Все. Наряд на госпитализацию. Эээ, ну да хрен с ним.

Кто это говорит. Сослуживец. Какой. Чей. А что. У меня отпуск. Имею право. Здоровье. Все-таки Шарко молодец. Нет, Петухов же защитился. Петухов молодец.

- Полис использовать надо по наз-на-чен-нию. А дис-пан-се-ри-за-ция это про-фа-на-ция. Я один раз предлагаю. Зачем по врачам ходить, все в одном месте.

Как вода пьется ракия и обмеливает как ручей. А есть ли у нас чем залакировать? Есть! Льется как струя в писсуаре. После этой стопки я ничего не помню, хоть убей, будто метнула в меня шишкой белочка.

Плохо. Кровать скрипит. Запах незнакомый, дурной, тревожный.

- Меня зовуут Лизавета Алсаанна, - мучительно растягивает слова старушечий голос.

- Она спит еще, не слышит. Ночью по «скорой» привезли. Вот молодежь пошла, никакого здоровья, - решительное шарканье в мою сторону. – Подъем! Обход скоро! Меня зовут Сталина, имя такое, про отчество даже не спрашивай. Лизавета Александровна у нас после инсульта, заговаривается, ты ее не слушай. Возле окна Калерия Петровна, от нее слова не добьешься. Я – старшая по палате.

Вздыхают, шебуршат в своих тумбочках, одна порывисто, резко, другие - заторможено, как во сне, по-детски причмокивая губами.

«Сталина и Лизавета Алсаанна, - хочу сказать я им. – Поднимите мне веки». Но для этого надо пошевелить языком. Легче повернуться на бок и провалиться в бездонный колодец похмельного сна, в мутных водах которого качается расплывчатое, зыбкое лицо неизвестного эскулапа и мелькает беличий хвост. Почему с вечера, стоя на краю этого колодца, никогда не веришь, что утром окажешься на его дне? Даже если падаешь туда каждую пятницу...

Но у меня есть волшебный рецепт, имя которому – сон. Количество выпитого должно уравновеситься количеством выспанного. Если сон облегчает страдания, болезнь не смертельна, - еще Гиппократ говорил. Я ухожу в темную норку между серой облупленной стеной и собственным носом, и на застиранной серой простыне, которой я укрыта с головой, можно вешать табличку: «Не кантовать».

- Как вы себя чувствуете? Здравствуйте!

«Вот черт, это же доктор. Как же это... Что говорить. Шла по улице. Стало плохо. Вызвали «скорую». Все. Ничего не помню. Все».

- Плохо чувствую, - говорю я правду. - Шла по улице...

- Стало плохо?

- Вызвали «скорую»...

- Так-так, ничего не помните?

- Ничего, доктор...

- До вас на этой койке у нас был такой же случай, вчера выписали. Постарше только.

- Молоде-е-ж! – вздыхают старушки и скрипят койками. – Экология плохая, от нее все.

- Кровь, моча, ээг, экг, кт, мрт... - доктор строчит как из пулемета мелкими корявыми загогулинами.

Медицинский почерк как эсперанто. Все знают, что он существует, но поди его разбери. Кому надо – поймет, остальным и понимать нечего. Святая святых современной медицины – правильная работа с документами – много потеряет, если служители панацеи начнут изъясняться разборчиво. Истории болезни пишутся не для пациентов и даже не для других врачей, они пишутся для уполномоченных проверяющих лиц и прокуратуры в особом медицинском стиле «накося-выкуси».

Множа каракули, рука доктора резко вздрагивает и будто сотрясается в пляске святого Витта, в такт ей подрагивает правая нога. Кажется, скинет он сейчас белый халат, прохудившийся на локтях, и станцует «Барыню-сударыню» или помчится в районную поликлинику по соседству, где консультирует на четверть ставки. Полторы ставки в больничке, да четвертина на амбулаторном приеме – можно даже не каждый день проклинать жизнь за то, что занесла нелегкая в медицинский, а ближе к середине месяца, когда финансы споят свой традиционный романс «Врачебная нищенская».

Он выстреливает последней закорючкой и обреченно повинует своей зовущей на дополнительные заработки, приплясывающей от нетерпения нижней конечности, которая знает, что врача стационара ноги кормят. Вслед исчезнувшему доктору обиженно шелестят губами подкошенная инсультом Лизавета Алсаанна и тихая Калерия Петровна, сопит решительная Сталина. Он – их кумир, больничный Бог и тайно влюбленный в каждую мужчину. Женщина, даже пожилая, даже на больничной койке остается немного принцессой, мечтающей о прекрасном рыцаре. Белого коня с успехом заменяет белый халат. Да и пользы от белого халата не в пример больше, возраст то уж не тот, чтобы на белом коне с рыцарем скакать.

Я присоединяю к общему недовольству возмущенный взгляд: обход за пять минут, да еще не утром, а днем! Женская солидарность в палате превыше всего.

- С утра у них конференция была, - тут же извиняется за доктора Сталина.

«Какая на хрен конференция в этом вонючем бомжатнике?» - хочу возразить я, глядя на открывающуюся в проеме двери перспективу больничного коридора, но лишь смиренно прошу «Бон Акву». Сталина отдает мне полуторалитровку, и Калерия Петровна с Лизаветой Алсаанной, не желая отставать и прослыть в тесном бабьем коллективе жадинами, протягивают мне по такой же бутылке. Спасибочки, вода в моем колодце пересохла, я давно страдаю от жажды.

Проснулась, когда за окном смеркалось. На тумбочке в изголовье – бутылки с водой. На спинке кровати – домашний халат. На полу – тапочки. На стуле возле кровати – Геша. Сидит и смотрит с не врачебным сочувствием, как художник Крамской у постели умирающего Некрасова.

- Выйдем, - кивает он на дверь, утягивает меня в прокуренный больничный коридор и, не дав раскрыть рта, произносит по-врачебному убедительную речь. – Ты, конечно, можешь уйти хоть сейчас. Но раз уж так закрутилось, советую остаться деньков на пять. Тихон Львович обо всем договорился, можно сказать, тебе повезло. Тут не санаторий, конечно, сама видишь, но ради полного обследования. У стационара широкие возможности в диагностике...

Геша говорит весело, взгляд поверх моей головы постепенно начинает приобретать профессионально вежливое отсутствующее выражение, как будто произносит давно заученную речь. Он выделяется даже в больничных стенах. Среди синих и белых костюмов не затеряется его бежевый наряд и белая хирургическая шапочка с ярко-красными герберами. Даже маска, которую надо носить на лице, повязана у Гешы на руке как у дежурного по больнице. Чернобровый – как гоголевская Оксана, покоровшая сердце кузнеца Вакулы. Прав петуховский попугай: красавец Геша.

- Кто такой Тихон Львович?

Вместо ответа Геша округляет глаза и упирает их в потолок. На нем в углу плавно колышется от сквозняка паутина с несколькими цокотухами. Вряд ли Тихон Львович может быть одной из них, вероятно, он - паук, притаившийся в засаде, или больничный Дух, витающий меж этажами.

«Вот оно что», - без слов киваю я Геше.

- Зря мы вчера все смешали, - вздыхает он. – Еле встал. А ты так весело в больницу собиралась, когда мы к тебе домой за вещами приехали. Только вот в приемном покое кровь сдавать отказалась, и правильно сделала, там бы столько промилле насчитали, что прямиком в токсикологию.

- Мы еще в приемном сидели?

- Это кто по «скорой», тот сидит или лежит, а тебя – экстренно! – Геша снова возводит глаза к потолку.

Исполненная благоговения к загадочным силам, ниспославшим мне госпитализацию, возвращаюсь в палату. Я боюсь расспросов о здоровье, но соседок больше занимают свои недуги.

Сталина потирает жилистую руку и говорит, что в нее отдает сердце. Калерия Петровна тихо жалуется, что ее хотят выписать. Лизавета Алсаанна раскачивается и временами начинает куда-то собираться.

- Лерочка у нас выписываться не хочет, а вот Лизоньке, наоборот, здесь не нравится. Вы смотрите, опять намылилась. Она по больнице гуляет, как устанет, придет. Или доведет кто, она дорогу запомнить не может. Я уж и врачу, и медсестрам на посту говорила, отмахиваются. В больнице, говорят, не потеряется, - поясняет Сталина.

Ночью просыпаюсь от голода, лезу в пакет со скомканными вещами и нахожу палку сырокопченой колбасы. Четыреста грамм чистого удовольствия не могут ждать до утра. Я крадусь в коридор и устраиваюсь на подоконнике. Вдруг из-за угла появляется бесформенная тень, а за ней материализуется Лизавета Алсаанна. Она что-то шепчет, трясет головой и сокрушенно вздыхает. Кажется, это тень бережно ведет ее за руку, указывая путь в палату.

Утром моюсь в ржавой лохани. Присев на корточки, старательно прилаживаюсь к банке с узким горлышком, повторяя речитативом привязавшееся «диспансеризация – профанация». В процедурном работаю кулаком и слезу, как бурая густая жижа наполняет пробирку. Не дышу в рентгеновском кабинете и дышу в кабинке с электроэнцефалографом.

В палате меня ждет остывшая утренняя каша и подруга Танька.

- Ты чего в больницу загремела? - кричит она, не обращая внимания на старушек. – Я пожрать принесла. Пирожки с капустой. Налетайте!

Танька открывает сумку, до верха набитую пирожками. Старушки деликатничают, но, распробовав, берут еще и хвалят Таньку:

- Не пожалела капусты!

Она смеется и подмигивает: а чего ее жалеть-то. Пироги с капустой – фирменное блюдо повара психиатрической лечебницы, где Танька работает медсестрой. Снабжение дурдома неважное, а слава о пирогах давно вышла за его пределы. Их заказывают на праздники и корпоративы, но капусты, закупаемой для психов, не прибавилось. Теперь пироги пекутся для персонала раз в неделю, чаще не получается, заказов много.

- Санитарка у нас новая устроилась, - шепчет Танька. - Выпили как обычно вечером в ординаторской, глядим: нет санитарки! Она у нас одна на восемьдесят человек, и та пропала. Пошли искать! Даже под кровати к дуракам заглянули. Может, трахнул ее кто да замочил. На улицу вышли посмотреть, вдруг из окна вывалилась. Ходим по отделению, чуть «ау» не кричим. Нет человека! Догадались позвонить, а телефон в ординаторской пиликает, в шкафу. Открыли – с-с-сука, сидя в нем спит. Начмеду кто-то настучал - уволили, без санитарки мы теперь. Сами за санитарок, а зарплаты ведь не прибавили.

- Хорошие пироги! – одобряет Сталина, бережно заворачивает еще один в салфетку и прячет в тумбочку.

- Ма-а-ме отнесу, - говорит Лизавета Алсаанна, достает из-под подушки тряпичный узелок и пытается спрятать в него свой пирог.

- Что это у тебя? – Сталина вскакивает с кровати и заглядывает в узелок. – Да у нее там сахар припрятан! А я-то думаю, куда сахар с тумбочек девается!

- Наш клиент, - показывает Танька глазами на Лизавету Алсаанну и тут же припоминает еще одну историю, шепотом. – У нас старик недавно умер, положили его в мешок, завязали и потащили в подвал через двор, чтобы полежал, пока труповозка не придет. Двор так замело этой зимой, не пройти, снег убирать некому, дворника-то нет. Вот тащат девки труп, а мешок у них разорвался, дед мертвый вывалился из него на снег и покатился под горку. А член у покойников набухает, во-о-т такой... Так и мелькает. Они верещат, а он до сугроба докувыркался и мордой в него уткнулся. Ладно, хватит сидеть. Ты думаешь, зачем я приехала? У меня здесь любовник работает, он в дурке терапевтом был, а теперь сюда перешел, добираться ближе. Пошли, найдем его, а то телефон выключил! Пироги себе оставь, он у нас однажды так ими объелся, что смотреть не мог, даже дуракам предложил на обед отдать. Вот как отравился!

Больница похожа на Вавилонскую башню с броуновским движением человеческих тел в извилистых коридорах. Мелькают белые костюмы, фланелевые халаты, мятые тренировочные штаны. Шаркают тапки, цокают каблуки, шелестят бахилы, дребезжат каталки. Тела сталкиваются и, быстро переговорив, разбегаются, движутся по разным траекториям, из кабинета в кабинет, из палаты в палату. Кажется, они давно утратили общий язык и осмысленность движения. Вавилонская башня еще стоит, но не прирастает

от бесцельной беготни, и лишь в верхней, недостроенной и уже обрушающейся ее части проходят конференции, заседания и селекторные совещания, которые никак не отражаются на происходящем внизу. Разве что время от времени упавшим сверху камнем сшибает как кегли зазевавшиеся тела в белых халатах.

На полдороги наша траектория пересекается с траекторией высокого врача в развевающемся зеленом балахоне. В очках с толстыми линзами он похож на уверенно летящую вперед стрекозу, но, заметив Таньку издали, кажется, мгновенно меняет планы и хочет свернуть. Однако он не так поворотлив, как стрекоза и, рванувшись в сторону, налетает на плетущегося по своей траектории бомжа. Бомж обреченно ухает и, даже не пытаясь устоять на ногах, как мешок с картошкой заваливается на бок. Врач досадливо отряхивается и все еще надеется улететь, но кульбит не остался незамеченным. Танька хватает край халата как безвольно обвисшее крыло и расплывается в хищной улыбке:

- Ты куда так спешишь?

- Танечка, неужели ты! А я и не узнал. Меня на седьмой этаж вызвали, там бабушку посмотреть надо.

«Терапевт-консультант», - поясняет приколотый к халату бейдж.

- Мы только что оттуда, нечего там смотреть! – решает Танька и волочет беспомощную плененную стрекозу в сторону. Терапевт взбрыкивает и объясняет, что его вызвали на помощь лечащему врачу, в задачу которого, помимо прочего, входит освобождение драгоценных для стационара койко-мест.

Оставив Таньку наедине с глазастой жертвой, я возвращаюсь к дурдомовским пирожкам и соседкам по палате.

- Какая мама? – строго допрашивает Лизавету Алсаанну Сталина.

- Таам де-рев-ня нааша, ма-а-ма жде-ет, - канючит Лизавета Алсаанна и, сжав маленькую пухлую ручку в кулачок, пытается вырвать узелок из жилистых рук Сталины.

- Так ты маму, что ли, по больнице ищешь? Совсем рехнулась! Я вот все врачам расскажу, они тебя не домой, а в другую больницу отправят. Отдай сахар!

Губы Лизаветы Алсаанны обиженно трясутся, блеклые глаза еще больше туманятся.

- Никому мы не нужны в больницах-то, - успокаивает ее Калерия Петровна. – Вот меня домой выкинуть хотят.

Дверь отворяется и в палату впархивает терапевт-консультант, каким-то чудом улепетнувший от Таньки.

Он направляется к Калерии Петровне и ласково интересуется, не беспокоит ли ее чего в плане здоровья.

Старушек всегда что-то беспокоит, а уж в плане здоровья – святое дело. Не чувствуя подвоха, она начинает пространный рассказ о повышенном артериальном давлении, покалывании в боку и сухости во рту.

Склонив голову, терапевт-консультант выслушивает скорбную песнь, очевидно шестьсот шестьдесят шестой раз в своей жизни, и до поры до времени коварно не перебивает счастливую от оказанного внимания рассказчицу. Дождавшись паузы, во время которой Калерия Петровна переводит дух и размышляет, на что бы еще ей пожаловаться, терапевт-консультант набирает в легкие воздуха и начинает греметь как иерихонская труба, с расстановкой произнося каждое слово:

- Это все называется – госпитальный синдром, Калерия Петровна. Дома вам станет лучше, давление нормализуется и сухость пройдет! Мое заключение – как можно быстрее оказаться дома!

Калерия Петровна, будто не услышав, еще что-то говорит, но уже в спину.

- У нас еще одна больная плохо себя чувствует, - встречаю я. – Может быть, вы с ней поговорите?

- Может быть, и поговорю, - неожиданно быстро соглашается терапевт-консультант. – Даже непременно поговорю. Когда лечащий врач сделает запись в ее карточке.

Взмахнув помятыми зелеными крыльями, он устремляется к выходу, на прощание с отворачиванием глянув на разложенные по тумбочкам пирожки.

Ночью Лизавета Алсаанна долго сидит на кровати, свесив ноги и глядя перед собой в темноту немигающим взглядом, а потом опять уходит из палаты. Отделение на ночь не закрывают, медсестер на посту нет.

Мне тоже не спится. Спускаюсь на скрипучем лифте в приемный покой. Там кемарят на железных креслах подкарауленные болезнью в неурочный час граждане. Напрасно Калерия Петровна упрямится, ей бы хорошо спалось и дома, кому-то из них ее койко-место наверняка нужнее. Я тоже занимаю чужое место, но даже если завтра уйду из больницы, его займет другой потерявший память. Закон парности случаев приобретает в современной медицине инновационный характер и множится в геометрической прогрессии.

Лизавета Алсаанна бредет впереди по своей чуть более запутанной и бесцельной, чем у других, траектории. Хотя, если вдуматься, ее цель – найти здесь маму – ничуть не менее абсурдна, чем цель одних срочно и бесплатно найти давно утраченное по собственной инициативе здоровье, и уж точно более благородна, чем цель других – содрать хоть копейку за поиски и не получить при этом по шапочке. И тех, и других можно понять, в разваливающейся Вавилонской башне всем несладко. А вот Лизавету Алсаанну понять сложно, да и ни к чему. Ее надо лечить.

Потеряв соседку из вида, я поворачиваю обратно и тут же подскакиваю от шума за спиной. В железную дверь с маленьким зарешеченным окошком со звериным рыком бьется Минотавр. Голый торс, мелькающий за прутьями, выдает в нем мужчину, но кудлатая голова с растрепанной бородой, густой черной порослью на щеках и торчащими вверх, как рога, колтунами вряд ли может принадлежать человеку, по крайней мере, вида homo sapiens.

- Суки! Суки! - заходится он, но сквозь хрип и рычание выходит: - Сурки! Сурки!

Ни сук, ни сурков рядом нет, и потому никто не обращает на него внимания, только охранник у дверей косится и невзначай потирает красный как боксерская перчатка кулак, будто он у него чешется. Видимо, одну из вариаций он все же относит на свой счет.

Первый день в больнице – самый длинный, яркий, запоминающийся. Остальные сливаются в единый отрезок, который упирается в точку под названием «Выписка». Со второго дня пациент начинает вести себя как глубоко больной человек, даже если здоровее лечащего врача. Склонность к социальной мимикрии проявляется в больнице с особой силой.

Утром я иду на МРТ меленькими шажками, втянув голову в плечи и ележно улыбаясь встречным белым халатам. Представляю себя Валентиной Терешковой, залезая в космического вида капсулу. Под пиликанье датчиков мечтаю, кабы доверили мне закупку этого самого томографа... Это не компьютер шумит рядом с моей головой, а бьются о белый песчаный пляж океанские волны, гудит похожий на дом атлантический лайнер, который везет меня к собственному маленькому домику на тихий остров. Много ли надо скромному организатору тендеров, специалисту по госзакупкам...

Днем вожу ложкой в тарелке с зеленой жижей и гадаю, какими кулинарными талантами обладает повар этой больницы. Может быть, здесь тоже пекут вкусные пирожки для персонала, но ведь не к Тихону Львовичу за ними обращаться, надо и совесть иметь.

К вечеру я проголодалась и пошла в гости к Геше, который остался на ночное дежурство в реанимации. Посреди ординаторской как кукла на самоваре начальственно восседает мужик, до подбородка укутанный белой больничной простыней. Вторая простыня лежит у ног, на нее осыпаются каштановые кудри. Медсестра в коротком халатике заходит то справа, то слева, управляясь с ножницами не хуже, чем с капельницей. Мужик жмурится, словно чешет за ухом, и вытягивает длинные ноги.

Геша старательно обходит кудри и достает из холодильника банку с котлетами. Хозяин кудрей пристально смотрит на банку, словно хочет притянуть ее к себе силой долгого заинтересованного взгляда, но медсестра наклоняет голову вперед, чтобы выстричь затылок, и он послушно утыкается подбородком в простыню. Кажется, крутани она эту голову, та совершит полный оборот по часовой стрелке и станет на место с широкой улыбкой кота Бегемота, на радость честному народу в ординаторской.

- У вас тут как в цирюльне, может, и солярий есть? – шепотом спрашиваю у Геши в коридоре.

Мы не одни. На стуле у входа в реанимацию сидит женщина. Раскачивается, губами шевелит, да еще и на нас косится, будто мы ей мешаем. Тоже, видать, спятила, как Лизавета Алсаанна.

- Достали эти родственники, - шепчет Геша. – Усядутся и слезы льют, и каждый второй пройти норовит. Вот эта нашего дежурного врача ждет, а он занят, сама видела. Мужа ее машина сбила, у нас лежит восьмой день уже, ничем помочь не можем. Скорее всего, этой ночью умрет.

- Подскажите... - приподнимается она с кресла. – Могу я врача увидеть?

- Врач на операции, - разводит руками Геша. – Очень сложная операция. Приходите завтра!

С крыши дома напротив на нас смотрят яркие буквы огромного граффити в одно слово «Za-vid-no». Его видно только из коридора возле реанимации. Лет через тридцать, а то и раньше, художник непременно попадет по одному из профилей в эту обслуживающую всю округу больницу, и уже ему будет завидно, что он – тут, а кто-то – там.

По пути в палату я опять встречаю Лизавету Алсаанну. Она похожа на маленькую девочку, заблудившуюся в лесу. Перебирает ножками, тискает в руках узелочек, смотрит по сторонам с детским изумлением и восторгом, будто только открывает для себя первые страницы жизни.

На другой день у меня назначены специалисты. Я показываю язык лору, таращу глаза на окулиста и могу обнять ногами гинеколога, если он выявит причину моего внезапного недомогания. Пока же лечащий врач, забегаая в палату, разводит руками и утверждает, что я здорова.

Сталина распекает Лизавету Алсаанну. Получив нагоняй за пропажу сахара, та принялась складывать в узелок чайные пакеты. Ей очень хочется прийти к маме не с пустыми руками, когда она ее найдет.

Калерия Петровна судачит о платной медицине и гадает, сколько надо дать, чтобы ее не выписали. Лизавета Алсаанна пристально смотрит на нее и в такт паузам кивает головой, будто соглашается.

- Да за деньги бы даже тебя вылечили, - говорит ей Сталина.

Отлежав бока на продавленной кровати, я выхожу из палаты и спускаюсь в приемный покой. Среди сумрачных лиц выделяется охранник в черной форме с подбитым глазом. Производственная травма.

За железными зарешеченными дверями спокойно. В окошко одной из камер для грязных и буйных пациентов видно бомжиху. Голая по пояс, она сидит на полу и увлеченно ловит блох в меховых панталонах. Рядом валяется тряпка, которой была перевязана ее грудь. Заметив мое лицо за решеткой, она вскакивает и трясет двумя пальцами у губ, прося сигарету. Хорошо, что Калерию Петровну сегодня не выписали.

В лифт за мной заходит невысокий мужчина. Его лицо кажется размытым. Непримечательное такое лицо из тех, что никак не могут задержаться в памяти и в то же время кажутся знакомыми. Последнее звено в триединстве «лик-лицо-личина» с неприметностью Жан-Батиста Гренуя.

- Добрый вечер, - говорит он знакомым голосом. – Вот и наша больная. Гуляет по больнице. Я ведь сам хотел к вам зайти, да на совещания все выдергивают. Кофе будете? Пойдемте ко мне в кабинет.

«Тихон Львович», - догадываюсь я.

Дверь в его кабинет не отличишь от двери в нашу палату, а внутри – салон итальянской мебели. Рядом с письменным столом на полу стоит огромный глобус на четырех ножках с воткнутыми в континенты маленькими красными флажками.

- Конференции, где я выступал, - скромно поясняет хозяин кабинета. – Внедрение передовых технологий, инновационный подход. Современная медицина не стоит на месте.

Откинутое полушарие обнаруживает запас редкого алкоголя, который Тихон Львович привез с собой из научных командировок. Хотя количество и повторы в ассортименте говорят о том, что ядро земного шара образуют подношения местного значения.

- Давайте выпьем за здоровье! – предлагает Тихон Львович. – Вы здоровый человек, и госпитализация вам не нужна. Это я уж так, подыграл друзьям вашим.

Я закусываю коньяк конфетой и рассчитываю захватить еще несколько штук для старушек.

- А что это у вас, дорогая наша пациентка? – спрашивает он и дотрагивается до моей руки.

- Как что? Рука, Тихон Львович.

- Гм, рука... - не верит он.

- Ну да, рука! – я растопыриваю пятерню и повожу перед его носом.

- Она может осчастливить не одного человека, - вкрадчиво говорит Тихон Львович и берет мою руку в свои гладкие, сухие, холодные ладони. – А это что у вас, долгожданная наша пациентка? – показывает на мою шею.

- Шея, Тихон Львович, а на шее – цепочка.

- Цепочка, кхм, - удивляется он и тянет мою руку вниз.

Я опускаю глаза и вижу, что ширинка у него расстегнута. «Член у покойников набухает, во-о-т такой...», - лезут мне в голову слова Таньки. Тихон Львович, конечно, жив, и член его уверенно показывает на глобус, прямо в центр Европы, откуда тоже торчит красный флажок. Проследив за моим взглядом, Тихон Львович оглаживает член и довольно крикает:

- На конференции в Германию руководство нашей больницы ездит с большим удовольствием.

В кабинете звонит телефон. Тихон Львович семенит к аппарату, придерживая штаны. Он прижимает трубку к уху и в ту же секунду хватает ее обеими руками. Штаны падают. Член Тихона Львовича следует их примеру и идет еще дальше, теперь его уж и не разглядишь.

- Гу, гу, угу, да! Я понимаю, конечно, будет, будем, так точно.

Положив трубку, он садится на стул голым задом и преданно, как и Геша, смотрит на потолок. Паутины там нет, над потолком – крыша, а над ней – небо.

- В Москву, - лаконично говорит Тихон Львович своим мыслям, надевает штаны и бросает взгляд на глобус. – С собой возьму.

Он пожимает мне руку как на трибуне партийного съезда. Выпиваем по стопке коньяка. Я беру из коробки четыре конфеты и, не закусывая, незаметно отправляю все четыре в карман.

В палате Сталина проводит расследование: из тумбочки пропали мелкие монеты – сдача от купленных в больничном ларьке лекарств и печенья. Я раздаю старушкам по конфете, а Лизавете Алсаанне даю две.

- Одну уберите, а вторую съешьте сами.

Через два дня меня отпустили домой, не найдя доказательств нездоровья. Терапевт-консультант, пришедший в палату перед выпиской, сообщил про синусоидный ритм сердца, и посоветовал налегать на мед с грецкими орехами. Перед уходом он наклонился к моему уху и сообщил как большую тайну, что капусту в дурдом поставляют гнилую, а потому пирожки Танькины лучше не есть.

На автобусной остановке я сунула руку в карман куртки, мелочи в нем не было, и я пошла пешком.

Через месяц позвонил Петухов и трагическим голосом сообщил, что из ВАК вернулась его работа с диагнозом: сорок пять процентов плагиата.

Геша больше не работает в реанимации. После двух суток дежурства у него сдали нервы, когда возвратившийся из путешествия по реке Ахерон двадцатилетний наркоман обозвал его пидором. Геша упрямо вытаскивал его с того света пять часов, представляя, когда хотелось опустить руки, своего младшего брата. Откачанный юнец открыл глаза, оценил внешность Гешы и выразил свое несогласие быть спасенным человеком нетрадиционной ориентации. Геша взял его за грудки и встряхнул, дежурившая в палате медсестра, проверяя камеру нового телефона, запечатлела инцидент и для хохмы выложила в интернет.

Запись набрала двести тысяч просмотров и около пяти тысяч комментариев про убийц в белых халатах. Разразился скандал, в пылу которого про сорок восемь часов непрерывной работы никто не вспомнил, и правильно сделал: в век поступательного движения медицины к вершинам фантастики, а также в соответствии с утвержденными нормативами врач не может работать два дня и две ночи без остановки. Гешу уволили, его аккуратно подстриженный начальник стер ноги, бегая на верхний этаж Вавилонской башни, и удержался на месте исключительно силой личного магнетизма.

Тихон Львович теперь работает в том учреждении, которому отдельные несознательные медики желают гореть в аду. Он возглавляет введение инноваций и часто мелькает в новостях по телевизору. Судя по географии его поездок, флажков на поверхности земного шара и горячительного в ядре стало еще больше.

Через неделю после выписки в программе новостей сообщили, что в больнице нашли мертвую старушку. Ничего примечательного в этой новости не было, кроме места, где старушкам не полагается умирать даже в больнице.

Она лежала в холодном отсеке для медицинских отходов, рядом со ждущими утилизации человеческими конечностями. Нашедший тело санитар подумал, что старушка спит и улыбается во сне, будто встретила кого-то знакомого.

Персонал больницы удивлялся и не мог объяснить, как там оказалась пациентка. Помещение должно закрываться, но, видимо, оказалось открытым. Наверное, гуляла да забрела, предположил кто-то, вот случайно и заперли. Одни говорили - замерзла насмерть, другие - умерла от второго инсульта, как и написали в заключении.

Рядом со старушкой нашли узелок, в котором лежали:

три куска сахара,

шесть чайных пакетов,

сорок рублей мелочью,

две шоколадные конфеты,

засохший пирог с капустой, бережно завернутый в полис обязательного медицинского страхования.